

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ•РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

Вторая путеводная звезда

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе
Вторая путеводная звезда

«ЭКСМО»

2010

Гармаш-Роффе Т. В.

Вторая путеводная звезда / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
2010 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

ISBN 978-5-699-46485-2

Колдунья вышла, и в подвале воцарилась кромешная тьма. Преодолевая слабость, Юля села на узкий топчан. Цепь на ноге громыхнула. Гарри, ее бывшего мужа, в темнице не было, - сумел сбежать по дороге?.. Наверняка. Ведь ее избивали, чтобы вырвать у Гарри признание о местонахождении драгоценностей. О его сказочной любви к Юле ходили легенды, он должен был сломаться! Но теперь ее никто не бьет... Бандиты, вероятно, кинулись за Гарри в погоню, а Юлю оставили на попечение Колдуньи, опаивавшей ее дурманным зельем... На соседнем лежаке, - она успела заметить, пока горела свеча, - находился какой-то мужчина... Кто он? Почему он здесь, в темнице, рядом с ней? Юля не представляла. ...Тем временем, частный детектив Алексей Кисанов пробирался по подземному ходу, продирался через лес и болото, гнал на машинах, - чтобы найти, чтобы успеть, чтобы спасти всех тех, кто пропал, кто исчез в этот странный день, полный тревог и невзгод...

ISBN 978-5-699-46485-2

© Гармаш-Роффе Т. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

* * *	5
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Гармаш-Роффе

Вторая путеводная звезда

* * *

...Кто-то лил на нее молоко, прохладное и белое, и оно стекало по телу, пенилось, набегало волнами и воланами, ложилось вокруг ее ног кружевом... Это было так приятно! Жара стояла удушающая, и потоки молока, струясь по ее телу, охлаждали разгоряченную и влажную кожу, которая болела и просто лопалась от зноя... Юля застонала от удовольствия.

Застонала и открыла глаза.

– ...Опять ты! – проговорила Юля губами, сухими от жажды и отвращения.

– Я тебе только добра хочу, – тихо ответила Колдунья, обтирая ее лицо и грудь прохладной тряпочкой, смоченной чем-то пахучим.

Вот отчего ей приснилось молоко, спасительно текущее по телу!

– Подкрепись, – Колдунья протянула ей глиняную чашу с двумя ручками.

В неверном свете свечи в чаше поблескивало густым и зеленоватым, как болото. Юля оттолкнула чашу.

– Дай пить!

– Нет. Сначала супчику, – ласково ответила колдовка, приставляя чашу к губам Юли.

Она была мерзкая. Вся в черном, и одежду она не меняла последние лет сто, пожалуй: от нее разило потом, застарелым и прокисшим, и всеми запахами кухни сразу, жареным луком, рыбой и прогорклым маслом. Лицо ее казалось большим и грубо сделанным. Вполне можно было подумать, что это переодетый мужчина, если бы не голос, обычный женский и даже не особо противный, как ни странно.

Только чтобы поскорее избавиться от колдовки, Юля, морщась, выпила супчик. Он был пряным и острым и немного горчил.

– А теперь компотик, – довольно произнесла Колдунья и протянула ей эмалированную кружку.

Юля уже знала: как только она выпьет «компотик», то ее сознание снова помутится. Оно и сейчас, вырвавшись из-под действия снадобий Колдуньи, было нечетким... И все же она помнила: с тех пор, как она здесь, ее перестали бить. Да и то, зачем ее бить, если она постоянно вырубается? Значит, рассудила Юля, в ее интересах выпить это снадобье и отключиться. Тогда ее точно не тронут!

Она послушно подставила губы под «компотик».

– Вот и умница... – донесся до нее голос колдовки, и Юля раньше, чем сделала последний глоток, отключилась.

...Нет, это вовсе не молоко! Это молочно-белая, пенная и невесомая ткань ее свадебного платья! Это оно струится по телу, ложась воланами у ее ног... А рядом стоит Гарри. Такой потрясающий, такой роскошный, в своем серебристо-сером костюме с белоснежной шелковой рубашкой!

«За кавказца замуж выходит девка!» – вдруг донесся до нее шепот из толпы.

«Убогие, вы «кавказцев» только на рынке и видели! – думала Юля. – А мой Гарри большой и красивый, нежный и страстный, мужественный и щедрый – вы таких сроду не встречали! И от зависти уже полопались! Вам бы самим такого, да не светит, и теперь шипите злобно: «Кавказец»!»

Юле захотелось им резко ответить, что, мол, везде есть хорошие люди, и везде есть жлобье вроде вас!

Но она не стала. Ведь это была ее свадьба! Прекрасная, сияющая, радостная! Зачем ее портить, вступая в бессмысленные споры с жлобьем?

...Тетенька, перевязанная лентой, что-то спросила.

– Извините... – растерялась Юля. – Можно повторить?

Женщина в ленте улыбнулась снисходительно, добродушно: невеста была такой юной, еще совершеннолетия не достигла, – немудрено, что девочка растерялась!

Юля словно поймала ее мысли и тоже улыбнулась снисходительно: для того, чтобы их поженили, Гарик достал каким-то образом справку, что Юля беременна! Мама ее, видя их неземную любовь, не возражала, а папа... Он уже давно куда-то делся, так что спрашивать его мнения не пришлось.

– Согласны ли вы стать супругой Гарри Балатарова? – торжественно повторила женщина в ленте.

– Согласна, согласна, согласна! – Юля даже немножко подпрыгнула: ей захотелось немедленно закружиться в танце с Гариком, смотревшим на нее отчаянно влюбленными глазами.

– Именем закона, я сочетаю вас...

И, наконец, они полетели в вальсе – чудесном, великолепном, страстном танце. И ее прохладное платье летело, словно крыльями обнимая Гарри, а он сорвал с себя серебристый пиджак, и его белая рубашка льнула к ее белому платью, и они кружились в вальсе, – светлый сияющий смерч, – заставляя толпу расступаться...

Часть 1

– ... Ты поверь мне, Кис, уже через пару десятилетий наше с тобой время станут называть Золотой Эпохой! Во всей истории Земли мы будем считаться самым счастливым поколением! Ни войн не знали, ни революций – мы мирное общество потребления, нам выпала потрясающе комфортная жизнь! У нас есть газ, электричество, бензин; в магазинах нам предлагают товары в мелких упаковках – нарезка того-сего... Но Земля движется к катастрофе, наводнения-землетрясения, извержения вулканов, засухи, озоновые дыры, хрен знает что с климатом творится... Смотри, жара какая! Где это видано, чтобы у нас, в Москве, жарило, как в Африке?!

Они сидели в зале с кондиционером, – в последние две недели народ вымело с веранд кафе и ресторанов, все норовили забраться внутрь, в прохладную утробу. Громко работал телевизор, где громко обсуждались результаты чемпионата мира по футболу; громко разговаривали посетители, в большинстве своем мужчины – ресторан пивной, и женщины в нем казались редкими цветными пятнами на монохромном фоне мужских рубашек и футболок. Они с Серегой забрались в самый дальний закуток, этакий аппендикс при зале, – иначе слышать друг друга было невозможно.

– Прибавь экологов, – продолжал Серега, – их стараниями через пару десятилетий мы станем жить при свечах, пользоваться примусами, клумбы приспособим под огороды с картошкой и морковкой, а из магазина продукты будем таскать в холщовых мешках, – так *экологичнее*...

Серега уже прикончил третью кружку пива, и уши у него стали розовыми. Кис, – то бишь Алексей Кисанов, чье прозвище прижилось уже незнамо с каких времен, – внимал малек нетрезвым рассуждениям друга, а также бывшего коллеги по сыскной работе на Петровке. Алексей давно подался в частные сыщики, не выдержав беспредела, творившегося в милиции в девяностые, а Серега Громов удивительным образом его пережил, не скурвившись, и даже звезд на погонах прирастил. Нить их дружбы не прервалась, равно как и сотрудничества: они не раз выручали друг друга в разных сложных делах.

Однако вне службы встречались они не часто, особенно с тех пор, как Алексей Кисанов обзавелся семьей. Серега был не из тех людей, что дружат «домами», и в гости к ним с Александрой ходил редко, – Сашу-то он обожал и считал умницей, зато присутствие детей его смущало, если не сказать дезориентировало. По своей холостяцкой привычке он предпочитал посидеть с друзьями в кабаке, – что уже не катило Алексею, и без того разрывававшемуся между семьей и работой. И вдруг Громов зазвал его «попить пивка». С чего бы это?

– И скажи мне, Кис, зачем, в таком раскладе, детей заводить? – продолжал Серега. – Их ждет такая тоскливая участь, что, по-хорошему, из любви к этим самым детям, не стоит их производить на свет! Разве я не прав?

– Мои дети... – осторожно начал Алексей, – они *уже* родились. И обсуждать вопрос, стоило ли их *производить на свет*...

– Лех, извини, я на тебя не намекал... Я просто... Я вот думаю: жениться, детей родить, – зачем? Мне кажется, что грядущие поколения ждут только страдания! А уж их родителям и того пуще. Тут за чужих детей иной раз с ума сходишь... Помнишь, как мы твоих двойняшек искали?¹ Я думал, рехнусь... или инфаркт хватит. А я ж им не родитель! Представляю, если бы мои собственные были!.. Так зачем мне потомство, согласись? Чтобы на муки его обрекать? Планета наша свихнулась: у нее климакс. То ей слишком жарко, то слишком холодно... А что, всему свой возраст, даже планетам! Все стареют: люди, звери, растения, камни... Звезды и планеты...

¹ Подробно об этом читайте в романе Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

Сергея сделал знак официанту, чтобы принес новую кружку.

Алексей, кажется, понимал, о чем вел речь дружбан: вечный холостяк, он с возрастом все чаще задумывался о семье... Но, испытывая непреодолимое отвращение к брачным узам, Сергей Громов пытался обосновать его философски.

– Земля наша стареет! Мы это со школы знаем, – но вроде бы оно должно случиться через миллион лет? Или миллиард? Все равно. Такие цифры за пределами нашего понимания. Миллион, миллиард – это *не скоро*! А вот оказалось, что скоро. Что сейчас. Сегодня! Через три года у нас посреди Москвы вулкан вдруг вздрючит – что делать будем? Куды бежать? Как детей спасать?

– Не знаю... Ты мне тут рисуешь голливудский сценарий катастроф... хотя нет, не голливудский, потому что у них всегда детей спасают... А если вулкан вздрючит посреди Москвы, тогда никто не спасется... Но с чего это тебя так разобрало, Сергей? Вулкан, экологи, конец света... Ты ненароком не собираешься отцом стать?

– Я?!

– Тогда чего тебя повело?

– А что, ты не видишь, к чему мы идем? К керосинкам и свечкам?!

– Громов! Говори, что случилось!

– Ничего... – Он выхлебал половину четвертой кружки пива. – Я тебе про будущее толкую!

– А я про настоящее. Что стряслось?

– С чего ты взял?

– Ты позвал меня в кабак, что уже само по себе редкость. Мы сто лет дружим, но общаемся больше по делам, согласись...

– Ну.

– А тут вдруг ты меня зазвал «пивка попить».

– И что с того? Жарища какая, а тут прохладно. И пиво холодненькое!

– Последний раз мы с тобой пили так пиво года три назад, если не больше.

– И что, блин, детектив хренов, ты тут ищешь?!

– Да уже нашел. Что-то у тебя стряслось на личной почве. Давай колись.

Сергей не ответил, принялся дохлебывать пиво и тут же махнул рукой, чтобы принесли ему пятую кружку.

Кис подождал. Кружку принесли, и Сергей уткнулся в нее носом, выпачкав его в пене.

И вдруг заговорил с напором, словно его прорвало:

– Девка тут ко мне явилась... И понесла, что она моя дочь! Слышь, Кис, *дочь*! Да я с пятнадцати лет предохраняюсь – какая, к черту, дочь?! Так хуже того, явилась с младенцем...

– Та-а-ак, – произнес Алексей и утянул от Сергея пятую кружку к себе. – Ну-ка, поподробней с этого места!

– Да чего поподробней? Выхожу сегодня из подъезда, как бросается ко мне девица с ребенком на руках. И голосит: «Папочка, наконец я тебя нашла!» При этом моего адреса ни в одном справочнике нет, сечешь?! – кипятился Сергей. – И дальше заявляет: «А вот твой внучек, папочка!» И тычет мне что-то запеленутое в руки!

– А ты?

– А я ей обратно *это* сунул. И сказал, что детей у меня нет и быть не может!

– Не спросил, с чего она взяла?

– Спросил. Она сказала... Будто б я познакомился с ее мамашей на дискотеке, а потом провел с ней ночь... И от меня у нее родился ребенок – то есть девка эта, получается... А она родила хрен знает от кого, и теперь маманя ее из дому выгнала, – так она ко мне решила прийти!

– Серега, погоди... Давай по порядку. Как насчет знакомства на дискотеке с последующим пересыпом?

– Да разве все помнишь? Девке лет восемнадцать на глаз, выходит, девятнадцать годиков назад дискотека та была! Ты чего, Кис, с такими вопросами?

И то верно. Серега был зело хорош собой, а уж обаяния так вообще море. Женщин он просто околдовывал, не прилагая к этому ни малейших усилий. Несмотря на то, что Алексей вполне объективно наблюдал это обаяние, он все равно мало понимал суицидальные наклонности особ женского полу, кидавшихся в объятия Сереги: на его взгляд, у дружбана на лбу написано, что рассчитывать можно в лучшем случае на несколько месяцев лирическо-постельных отношений, не более...

– Иными словами, никаких воспоминаний о связи с той девушкой, которая ныне является матерью явившейся к тебе мадонны с младенцем?

– Никаких.

– И ни одной существенной детали она тебе не выдала?

– Нет.

– Ладно, едем дальше. Внешнее сходство у нее с тобой есть?

– Да я не разглядывал...

– А младенец?

– А чего младенец? Сунула мне в руки конверт, в нем маленькое лицо розовое, – чего ты хочешь от меня?

– Не кукла хоть?

– Да нет, живой вроде...

– Точно живой? Глазки открыты были? Смотрел на тебя?

– Спал.

– Так откуда ты знаешь, что живой? Что не кукла? Или... или что не мертвый?

– Типун тебе на язык! Теплый сверток был...

– От ее рук мог нагреться.

– Ексель-моксель...

– Короче, чего от меня хочешь?

– Пиво отдай!

– Хрен тебе. Уже и так язык заплетается.

– Сволочь. А чем ты можешь помочь?

– Не знаю.

– Тогда пиво отдай.

– Я могу попробовать разузнать об этой девке... Если дашь за что уцепиться.

...Шантажируя друга пятой кружкой пива, Алексей все-таки добился признания: Громов за девушкой проследил и увидел, что та вошла в парикмахерскую в двух кварталах от его дома. Больше Громов разузнать не смог: уже опаздывал на совещание.

Кис так и не отдал ему недопитую пятую кружку. Загрузив Серегу к себе в машину, он довез друга до дома, где благополучно доставил его в квартиру. А себе на завтра дал задание: съездить в ту парикмахерскую, в которой скрылась девица с ребенком.

...Никаких других дел на сегодня не намечалось, никаких клиентов не наблюдалось, никуда бегом бежать не требовалось, и жара в этот ранний час еще не приступила к новому пыточному сеансу. Иными словами, утро было блаженным, неспешным. Алексей наслаждался легкой дремой, несмотря на набег двух резвых котят – двух его малышей-двойняшек, забравшихся в родительскую постель. Лизанька играла с папой в «доктора», норовя ему сделать укольчик в плечо шприцем из детского набора; тогда как Кирюша уселся на него верхом, возя

по груди Алексея пожарную машинку, – груди широкой и вполне удобной для того, чтобы представить, что это городская площадь. При этом он тоненько завывал, изображая сирену.

– Тихонько, Кирюшка, тихонько, маму разбудишь.

Мама, то есть Александра, приоткрыла один хитрый глаз и довольно перевернулась на другой бок: радовалась, что дети занялись папой, чье утреннее присутствие в постели являлось куда большей редкостью, чем мамино, в силу чего ему досталось все детское внимание, и она могла спокойно поспать еще часик.

Алексей тоже прикрыл глаза, радостно ощущая копошение возле себя двух маленьких, теплых и родных тел, пахнувших младенчеством.

...Кто не возился со своими малышами утром в постели (по вечной спешке или из «педагогических» идей), тот не знает, что такое счастье.

Как всегда, утреннюю идиллию нарушил паршивец-телефон. Дети не обратили на звонок внимания: в их сознание еще не помещалось слово «дела», и даже когда Алексей изогнулся, чтобы достать сотовый с прикроватного столика, дочка тут же ловко догнала увильнувшее плечо, чтобы сделать очередной «укол», а сын сделал боковой объезд по периферии «площади» и малость пересел на папе, чтобы снова завладеть ее центром.

– Кис, а где моя тачка? – услышал он голос Сереги.

– У кабака, где вчера сидели, – невозмутимо ответил Алексей.

Громов разразился проклятиями. Кис уж собрался дать отбой – слушать Серегины стелания никакого интереса, – как вдруг дружбан спросил его, почти робко, что было ему совершенно несвойственно:

– А ты это... ты заглянешь в эту парикмахер...

– Загляну. Отзвоню.

– А, ну тогда... Ну, бывай!

М-да, потрянула друга вчерашняя история с девицей и младенцем: уж если он и сегодня, с утра, на трезвую голову...

С сожалением сняв с себя «котят», Алексей шепнул жене, что Сереге требуется срочная помощь, и выскользнул из кровати.

В машине он оказался через полчаса – успел и душ принять, и побриться, и термос наполнить кофе. С утра он есть почему-то никогда не хотел, что было очень удобно и во времена его службы опером, и теперь, когда Алексей занимался частным сыском. Те коллеги, которым поутру требовался плотный завтрак, чувствительно страдали, если не успевали его проглотить, поэтому Кис считал, что ему повезло. Но чашка кофе по пробуждению ему все же требовалась, и он давно взял в привычку таскать с собой термос на утренних выездах.

Серега снова позвонил, когда Алексей уже рулил в сторону парикмахерской.

– Что, сегодня снова пришла? – попытался угадать он причину звонка.

– На ее счастье, нет... Кис, а тебе не в лом?

Алексей не узнавал Серегу: всегда энергичный и напористый – и шагом, и голосом, и характером, – сегодня он был подозрительно мягок. В голосе его слышалась растерянность.

– Не в лом.

– Просто у меня тут дел по горло... Я почему тебя и попросил.

– Ты меня не просил, я сам вызвался. Серега, еще раз: ты исключаяешь, что девица могла правду сказать?

– Гы. Я ж презиками всегда пользуюсь, не то что некоторые!

Серега гнусно намекал на недавнюю историю Алексея.

– Скотина, – беззлобно отреагировал детектив. – Они же иногда дырявятся. Вдруг правда...

– Не, Лех, поверь мне: туфта эта история, нутром чую! Ты меня знаешь: своих малышей я сразу предупреждаю, что патологический холостяк!

«Малышка» – так Серега называл всех дам сердца, чтобы в именах не путаться.

Кис никогда не осуждал друга за легкомысленность любовных связей: во-первых, не его это дело; во-вторых, не судья он никому, а уж тем более дружбану закадычному; а в-третьих, все особы женского пола, вступавшие в отношения с Серегой, были совершеннолетними и половозрелыми, а Серега и впрямь перво-наперво свое кредо вечного холостяка излагал, почестному... Так что чист был Серега перед своими «малышками». А уж если иная девушка и решала, что в ее силах (власти, чарах и иже с ними) Серегу перевоспитать, – так то уже проблемы девушкины, Серега за них ответственности не несет.

Отчего Серега такой стиль отношения с женским полом избрал, Кису было неведомо. Хотя если бы его кто спросил навскидку, застав врасплах, – то Кис ответил бы, пожалуй, так: работа опера плохо совместима с жизнью семейной. Опер никогда себе не принадлежит, – соответственно, не принадлежит и семье. В любое время дня и ночи его может призвать работа – и вечерами, и в выходные, а то и в отпуске... Мало, очень мало женщин существует на свете, способных считаться с такой работой. Впрочем, слово «считаться» не описывает проблемы: на самом деле она, эта мужнина работа, ложится и на плечи жен: им приходится крутиться за двоих в быту, а особенно когда есть дети...

Алексей это знал не понаслышке: первый его брак распался именно в бытность опером. Жена, не выдержав постоянного отсутствия мужа, завела себе любовника... А там и на развод подала. Но о душевных травмах не будем.

А Серега, семейного опыта не имевший, знал об этих вещах как раз понаслышке, по самой что ни на есть прямой: по телефонным переговорам оперов с супругами. И они его не вдохновляли.

– Кто-то меня разыгрывает! – продолжал Серега. – Вот только кто, зачем, ума не приложу... Девчонке этой лет восемнадцать, от силы девятнадцать, – неужто ее мамашка стала бы столько лет ждать, чтобы мне ребенка предъявить? Бред, согласись!

Алексей не согласился. Он мог бы рассказать такую, к примеру, историю, как лет девятнадцать назад, со всею самонадеянностью молодости, девушка (которая теперь припечатана Серегиным определением «мамашка») могла решиться растить ребенка одна, не сказав ни слова мужчине, который этого ребенка зачал; как по прошествии лет, когда самонадеянность не оправдалась, – когда ни Принц, ни хотя бы уж Белый Конь так и не мелькнули на горизонте; когда ее мечты о карьерном взлете так и не осуществились; когда дочка выросла без отца и сама родила невесту от кого... Вот тогда и могли разыграть все обиды на жизнь, столь жестоко обманувшую; а ответчиком оказался назначен тот, кто когда-то зачал ее ребенка...

Но говорить об этом Сереге Кис не стал. Уже хотя бы потому, что это являлось лишь *возможным* вариантом, а вовсе не обязательно случившимся в действительности.

– И все-таки ты поразмысли, Громов. А вдруг я установлю, что это твой ребенок? Ты готов к этому?

Серега впал в молчание. Алексею показалось, что он услышал, как друг скрипнул зубами.

«В этом все и дело, – подумал Алексей, – что Серега до конца подобную возможность не исключает! Оттого-то его так пробрало!»

– Мне поворачивать обратно? – спросил Кис в отсутствие ответа.

– Нет.

– Добро. Опиши ее.

– Девчонка тоненькая, брюнеточка, смуглая или хорошо загорела, лето же; черная кожаная юбка, короткая; кофточка белая, без рукавов, вырез V-образный, глубокий, лифчик видно немножко, тоже белый. На ногах черные босоножки, очень специфические: ступня голая, а на щиколотке будто обрезок сапога, – сейчас многие такие носят, в моде у них, видать... Ногти

крашены в какой-то темный цвет, не понял, зеленый, что ли... На руках такой же. Сережки золотые или под золото, висюльками, других украшений нет. Записал?

– Запомнил.

– Кис, меня тут зовут...

– Ну и иди себе.

Алексей припарковался недалеко от салона-парикмахерской, отвинтил крышку термоса, налил в стаканчик кофе и, не торопясь, выпил его вприкуску с маленьким печеньем, которое, уходя из дома, сунул в карман. Печеньица эти имели индивидуальную упаковку, Кис специально их закупал на подобные случаи: практично и гигиенично. После чего он запер машину и двинул к двери интересующего заведения.

* * *

В парикмахерской он, едва войдя, быстро осмотрелся. Ни одна из работниц данного заведения не смахивала на девицу, близкую к описанию Сереги. Не наблюдалось и грудных младенцев.

– Чего хотите, мужчина? – обратилась к нему полная, ярко накрашенная дама за административным столиком. – Стрижка, краска, бритье?

– «Мужчиной» я являюсь, когда нахожусь в постели с женой, – сухо заявил детектив.

Он страшно не любил это обращение по половому признаку, которое стихийным образом заткнуло брешь в русском языке, откуда силами большевиков были изгнаны слова «господин» и «сударь». Однако сейчас дело было вовсе не в том. Сейчас сыщик был далек от забот о красоте «великого и могучего», – а требовалась ему просто-напросто некоторая конфронтация. Он по опыту знал, что в большинстве случаев (особенно когда коллектив женский) конфронтация дает преимущества в виде повышенного желания угодить привередливому клиенту. Ему понадобится время и свобода перемещения в салоне, и теперь никто не рискнет делать ему замечания.

Он видел, как недоумение охватило все лица: и дамы за административным столиком, и трех девах, сидевших без работы на стульчиках рядом с ее конторкой.

– А как же вы хотите... – растерялась дама.

– Можете спросить «Что вам угодно, сударь?», например, – холодно, без тени улыбки произнес детектив.

Женщины переглянулись, и если не покрутили пальцем у виска, то только потому, что не отважились, под взглядом вредного посетителя.

– Ну... *Сударь*... если вам так нравится... А что бы вы хотели... *угодно*, в смысле?

В голосе полной дамы мелькнула подбострастная нотка: Кис добился своего. Большинство людей отчего-то готовы немедленно прогнуться, когда с ними разговаривают высокомерно, вместо того чтобы поставить хама на место (а высокомерие есть род хамства), – феномен, который Алексей постичь не мог. Но пользовался им, когда нужда возникала.

– Постричься. Но пока не знаю, как именно. У вас есть каталоги причесок?

– Конечно, – засуетилась дама, – Валя, принеси!

Алексей сел в кресло, которое ему указали, и принялся листать каталог. Он уже немного оброс и вполне мог позволить обкромсать себя ради дела. Но пока что он намеревался осмотреться, найти зацепку, которая связала бы данную парикмахерскую с девицей и младенцем. Хуже всего, если она заходила сюда только ради прически или маникюра. Но имелся шанс, что она здесь работает... Или ее подруга, родственница. Вот это и требовалось выяснить!

Перелистывая фотографии, он незаметно разглядывал парикмахерскую и мастеров. Как подсчитал Серега, матери той девицы должно быть под сорок, однако ни одной женщине здесь

Алексей не дал бы этого возраста. Беда в том, что трое из четверых, находившихся в салоне, включая даму за конторкой, были весьма полными, а с такими у него всегда выходила закавыка: с одной стороны, будучи даже молодыми, толстые женщины казались солидными; с другой же стороны, они долго сохраняли моложавый вид: слой подкожного жира разглаживал морщины и морщинки. Вот почему ему никак не удавалось определить возраст троих. Четвертая же была весьма грациозной женщиной чуть за тридцать и тоже не подходила на роль Серегиной ровесницы.

В салоне воцарилась тишина: женщины стеснялись переговариваться в его присутствии. Лишь та, что постройнее, взялась подметать пол, собирая обрезки каштановых волос, оставшихся от предыдущей клиентки. Алексей некоторое время бездумно следил за ее движениями и встрепенулся только тогда, когда она поднесла совок к мусорной корзине, обтянутой пластиковым мешком. В ней что-то белело сверху... Что-то, напоминавшее...

Кис чуть приподнялся, чтобы лучше увидеть. Точно, это были памперсы! Уж он-то в них отлично разбирался!

Что ж, неплохо для начала!

– Мужч... Вы, это, *сударь*, будете стричься или что?

– Буду. Мне вот так... – и он ткнул пальцем в одну из причесок каталога, близкую к классической.

Его препроводили в кресло для «головомойки». Занялась им одна из полных парикмахерш, с лицом приятным и веселым. Ее руки закружились вокруг головы детектива, а он все думал, как бы завести разговор о молодой женщине с ребенком.

С головомойкой было покончено, и Алексей пересел в кресло у зеркала, продолжая размышлять.

Однако долго ему мозги напрягать не пришлось. Неожиданно послышался какой-то звук, похожий на детский плач.

– У вас там кошка, что ли?

Женщина замерла, занеся ножницы над очередной прядью: прислушивалась. Звук повторился.

– Я... вы извините меня... Можно я отойду на минуту? Это не кошка... Там маленький мой плачет! Я сейчас, я мигом!

– Конечно, – милостиво кивнул недостриженной головой «сударь».

Хм... Если маленький – *ее*, то промашка получается...

Она вернулась через несколько минут. Детский плач затих, и женщина снова взялась за ножницы, пропуская пряди волос Алексея меж пальцев. Вид у нее был смущенный и виноватый – не зря Алексей страху на них нагнал!

– Сын? – дружелюбно спросил детектив: пора было менять гнев на милость.

– Внук, – не без гордости ответила женщина.

...Вот оно что! *Ее маленький* – ей внук! Это обнадеживало.

– Правда? Глядя на вас, никак не подумаешь, что вы уже бабушка! – польстил он ей. – Мальчик, стало быть? То-то радость вам с мужем... – закинул удочку Кис. Ему важно было узнать о наличии или отсутствии у нее мужа, чтобы оценить вероятность мести.

– Мы рады, конечно, – не особо весело произнесла женщина, орудуя ножницами, – доча, она у нас единственная... Да жизнь у нее не сложилась: едва вышла замуж, как через несколько месяцев и развелась... А сколько мы денег на свадьбу угрохали! Знали бы наперед, как все обернется, то хоть в долги не влезли бы... Теперь вот мы с мужем помогаем ей, как можем.

Итак, у кандидатки в «мамаши» муж имелся, а дочка родила своего бэбика в браке, а вовсе не «невесть от кого». И, заметим, никто молодую мать из дома не выгонял. Стало быть, либо не та девица тут младенца матери подкинула, либо Сереге она наврала капитально... Ну, посмотрим.

– Это хорошо, что помогаете, – согласился Кис, – особенно, что ваш муж дочку понимает. Отцы, они не всегда...

– Ой, что вы, мой души в пацанчике не чаёт, готов нянчиться днями и ночами. Уже мечтает о пенсии, чтобы с внучком сидеть!

– Но вы тоже, я вижу, помогаете... Дочка ребенка вам оставила, на работу пошла?

– Нет... Она только хотела в пару магазинов заглянуть... Вот-вот вернется... Она хорошая мать, не думайте!

Судя по всему, дочка не работает, живет на содержании у родителей, – которые еще с долгами за ее свадьбу не расплатились, – однако по магазинам ходит. Любопытно. Но вряд ли имеет отношение к делу. Важно другое: ее мать, под чьими руками сейчас шевелились волосы детектива, абсолютно не попадает под образ «мстительницы». У нее есть муж, который дочери и отец. И с какой стати ее «доча» потащилась к Серегину подьезду, где устроила спектакль под названием «Здравствуй, папа, держи внучка», – являлось полной загадкой. Только если тут речь о другой девице идет...

Оставалось надеяться, что она не заставит себя ждать, и все тогда прояснится.

Она и не заставила. Минут семь спустя появилась на пороге, и Алексей сразу ее опознал: и короткая кожаная юбка, и кофточка без рукавов, – на этот раз, правда, не белая, а бледно-голубая, – и темно-зеленые ногти, и обреза сапога на щиколотке, – все, как Серега описал.

Никому не кивнув и не улыбнувшись, девица продефилировала напрямик к матери, орунующей над головой детектива. На него она даже не посмотрела, словно в кресле находился неодушевленный предмет.

– Как там Васька? Не орал?

Не орал. Именно так выражаются «хорошие матери», кто бы сомневался!

– Нет, спал...

– Пойду покормлю его.

И девушка начала расстегивать кофточку, ничуть не смущаясь присутствием в кресле неодушевленного предмета в виде постороннего мужчины.

– Послушайте, – вскричал Кис, боясь, что она сейчас исчезнет в подсобном помещении, – а я вас вчера в своем дворе видел! Да-да, точно! Вы подошли к моему соседу!

– Вот ерунда, – хмуро бросила ему девица и вознамерилась отчалить в подсобку.

– Да точно, говорю вам, видел! Я на вас обратил внимание: и юбка эта кожаная, и зеленые ногти... Только вчера на вас кофточка была белая, точно? Вы еще подошли к моему соседу и стали совать ему ребенка! Я слов не слышал толком, но что-то донеслось, вроде «Папочка, держи внучка!»

– Настена?! – ахнула ее мать и, кажется, отсекла клочок волос детектива едва ли не под корень. – Какой еще *папочка*?! Что это такое?!

– Да дяденька придумал, – зло выплюнула девица. – Я пойду Ваську кормить.

– Стой, – мать схватила ее за руку. – Кому это ты Васеньку совала?! Почему *внучка*? Это наш с твоим отцом внучек!!!

– Да придумал он, козел, говорю!

Она пыталась выдрать свою руку из крепкой материнской хватки.

Алексей счел, что пришла пора вмешаться официально. Он поднялся, содрал с себя пластовый «пенюар» и вытащил из кармана удостоверение, которое, раскрыв, поднес к глазам обеих женщин.

Впечатление произвело. Обе притихли, замерли.

– Итак, я вас видел вчера утром во дворе, где проживает мой сосед и приятель, – жестко произнес Кис. – Зачем вы пытались ему всучить ребенка?

Настена вдруг плюхнулась в кресло, в котором только что сидел детектив, – еще тепленькое. Кофточка с расстегнутыми пуговичками обнажила ее тело до пупка, но девицу это не смущало. Или она о ней забыла.

– Да меня Лариска попросила...

– Наша соседка? – изумилась ее мать.

– Ну да... Сказала, что мужик один ее прокатил... Переспал с ней пару раз, а потом заявил, что она для него старовата... А Лариске, ты же знаешь, мам, ей тридцать шесть. Не девушка, понятно, – но тоже мне, нашелся хрен называть ее «староватой»!

Это была наглая ложь. Не Настены, понятно, – а той самой Ларисы. Алексей отлично знал Серегу: он сходил с женщинами разного возраста, случалось, что и старше себя, – ему было важно «зернышко», некое обаяние, на которое он западал.

– И она решила его проучить, – вяло добавила Настена, – показать ему, что он сам уже в том возрасте, когда пора внуков иметь... Ну, и попросила меня устроить этому хрену сцену у фонтана...

Мать ее только головой качала, не найдя слов.

– Фамилия этой Ларисы? – строго спросил детектив.

– Дегунова! – машинально откликнулась парикмахерша. – Вы мою дуреху не осуждайте... пожалуйста! У Настены своя жизнь не очень сложилась...

– Мам! – рывкнула Настена.

– Да что «мам»? А то сложилась, что ли?! А Лариска эта, соседка наша, она все пытается мужа себе найти... Да никак. Вот она к Настене и подъезжает в последнее время: вроде они сестры по несчастью, а все мужики козлы... Да у Ларки просто характер скверный! Все от нее бегут, и мужчины, и подруги! Но она... знаете, бывают такие дамочки, что всегда виноватых ищут, кроме себя, – ну вот она и пытается всем отомстить... И мою дуреху приспособила... Ох, Настена, когда же ты ума наберешься?!

– Я Ваську пошла кормить, – Настена поднялась и направилась к двери в подсобку.

Алексей ее не удерживал. Он уже узнал все, что требовалось.

– Дострижете меня? – любезно спросил он мастера.

– Ох... конечно! Простите меня... Беда с ними, с дочками...

И, скорбно покачивая головой, она снова взялась за ножницы.

...Серега вспомнил Ларису Дегунову. История и выеденного яйца не стоила: сестра одного из Серегиных приятелей, она несколько раз притаскивалась на общие тусовки, всяко пытаясь завладеть вниманием Громова. Что ей не удалось. Сереге она сразу не понравилась, явная зануда и искательница мужа, – никакого «зернышка»! И он ее просто проигнорировал.

Но, видать, допустить мысль о том, что она могла оказаться не интересна мужчине, Лариса никак не хотела. Отчего постановила: все дело в ее возрасте. Остальное – что Серега с ней спал и что называл ее «староватой» – было ею начисто выдуманно с одной целью: подговорить соседку, Настену, для акта «мести», суть которого заключалась в намеке на возраст Сереги: самому в деды, мол, пора.

Иными словами, к концу дня эта история приобрела внятное и благополучное разрешение, и все успокоилось.

* * *

И снова наступило затишье. У Алексея никаких особых дел так и не возникло, – казалось, в такую небывалую жару все и всё вымерло! – если не считать одной вялотекущей слежки за неверным мужем, которую он щедро переложил на плечи своего ассистента Игоря, а сам по-прежнему мог наслаждаться неспешными утратами своими «котятками».

И так протекло шесть дней.

На седьмой его сладостное утро вновь было потревожено звонком от Сереги.

– Кис, не разбудил?

– Не совсем, – лениво отозвался детектив.

– Слухай, у меня тут новая странность... Мальчонка ко мне вот уже второй день приходит.

– Тот, грудной?! – изумился Кис.

– Да нет, какой грудной, ты чего? Мальчонка такой... лет пяти... или шести, наверное... Или семи, не знаю, я не разбираюсь в детях... Выхожу из подъезда вчера: он сидит на ступеньках. И ко мне сразу: «Дядя, вы милиционер?» Я, в натуре, подтверждаю, что милиционер. А он мне, слышь, отвечает: «У меня маму украли! Найдите ее!»

– Ничче се...

– Вот и я так же. Спрашиваю его: а откуда ты знаешь, что я милиционер? Он говорит: «Женька сказала». Как я понял, девочка какая-то из моего подъезда... Сегодня снова пришел – снова просит, чтобы я маму его нашел. Кис, не знаю, что и думать. Опять Ларисы происки? Да уж больно нелогично, согласись...

– Соглашаюсь.

– Или какая другая из моих бывших?!

– Так это тебе лучше знать...

– Ни фиги я не знаю! Надо с ним как-то переговорить... Да не умею я с детьми... Возьмешься?

– И где его искать?

– Думаю, что он и завтра придет ко мне на ступеньки подъезда...

– Время?

– Я выхожу в семь тридцать...

– ...Я тоже милиционер, – произнес Алексей, усаживаясь на ступеньки рядом с мальчонкой.

Ему и впрямь больше шести лет не дашь. Нормальной комплекции ребенок, живые светло-карие глазки, кудрявая головка, ямочка на правой щеке, россыпь рыжих точек-веснушек на носу. Синие шортики, желтая футболка с зайцем из «Ну, погоди!», сандалии с носочками – ничего модно-современного. Так одевали детей и тридцать лет назад, и сорок... Похоже, что гардеробом пацана заведовала бабушка.

– А этот дядя, к которому ты пришел, – добавил Алексей, – он очень-очень торопится на одно важное дело, так что ты извини его, он сейчас не может с тобой поговорить.

– Он ищет людей, которых украли?

– Да.

– Он может найти мою маму?

– Да. Но я тоже могу. Как тебя зовут?

– Михаська. А тебя как?

– А меня... Алексей. Тебе сколько лет? Шесть?

Мальчонка оттопырил три пальчика на руке и показал детективу.

– Вот когда будет!

– Через три месяца? – с некоторым трудом сообразил детектив.

Ребенок кивнул.

– Кто тебе посоветовал сюда прийти и ждать дядю-милиционера у подъезда?

– Женька.

– Это твоя подружка?

– Подружка, – согласился пацаненок. – Она тут живет, в тридцать четвертой квартире, она знает.

Мальчик говорил правду, Алексей чувствовал. Да и проверить наличие Женьки в тридцать четвертой квартире труда не составит. Стало быть, происки Серегиных поклонниц тут ни при чем, а у мальчонки мать и вправду похитили... Или он так думает.

– Расскажи мне про маму. Кто ее украл?

– Дядя один.

– Ты его видел?

– Видел. Дядя приехал, позвал маму, а потом ее схватил и потащил...

– Миша... Михаська, для милиционеров важны всякие подробности... Детали, понимаешь? Постарайся рассказать мне все, что ты видел. Все-все!

– А я все рассказал!

Понятно. Ребенок наверняка видит эту сцену в голове, и ему кажется, что другой человек может увидеть ее так же легко и ярко, как он сам, достаточно лишь сказать «схватил и потащил»... Объяснить мальчику, что значит «подробно», Алексей явно не сумеет. Так что попробуем задать наводящие вопросы.

– Как он маму *позвал*? Этот дядя пришел к вам домой?

– Домой, – откликнулся мальчик, но тут же умолк.

– И... И что? Он маму твою... Он с ней говорил?

– Говорил, – не стал спорить Михаська.

– И что дядя сказал, ты слышал?

– Слышал... Что мамочка предательница.

– Почему он так сказал?

Михаська несколько раз пожал плечиками, столь высоко их поднимая, что его кудрявая головка словно утапливалась в грудную клетку.

Алексей неправильный вопрос задал. Надо вот как:

– Можешь повторить слова этого дяди?

– Могу. Он сказал, что мамочка предательница.

– А еще что?

– Я не помню... Он непонятно сказал.

– Хорошо. Что дальше произошло?

– Он маму схватил за... за тело... И к выходу потащил... А потом она больше не пришла домой. Уже вот сколько дней! – и Михаська снова показал три пальчика.

– Ты в окошко не посмотрел, когда этот дядя вышел с твоей мамой?

– Я посмотрел, – кивнул Михаська.

– И что ты там увидел?

– Он маму в машину посадил... и увез.

– А что за машина такая?

Маленький сын Алексея, двух лет от роду, уже разбирался в марках машин – отчего детективу казалось, что все маленькие мальчики на свете должны разбираться в них не менее его Кирюши. Но мальчик Михаська только печально приподнял плечи:

– Черная такая... Большая. Мама не хотела в нее садиться. Он ее туда толкнул.

– А кто у тебя дома остался? Папа?

– Нет, папа не остался, его нету. Бабушка есть.

Понятно. Раз папы нет, то откуда мальчишке разбираться в моделях машин? Это ведь только папа может научить, никак не мама с бабушкой...

– Давай пойдем к тебе домой, ладно?

– Ладно, – ответил Михаська и доверчиво вложил маленькую ладошку в очень большую, как только что выяснилось, руку детектива.

* * *

Михаська жил через три дома от Сереги. На шее у него висел шнурок с ключом, и он ловко отпер входную дверь.

Квартира оказалась двухкомнатной малогабариткой. Пахло укропом и лавровым листом. Рыжая кошка с порванным ухом пришла в коридор и потерлась по очереди о ноги Михаськи, затем детектива. На кухне возилась, судя по всему, бабушка – маленькая седая женщина. Кис ступил в ее владения, открывая удостоверение, однако она не выказала ни интереса, ни удивления тому факту, что в квартире обнаружился посторонний человек. Лишь на секунду оторвала свой взгляд от кастрюли, снимая шумовкой пену с бульона, коротко глянув на детектива вполне ясными глазами – очки она не носила, – проигнорировав удостоверение. При попытке с ней пообщаться выяснилось, что бабушка плохо слышит, – столь плохо, что детектив временно оставил эту затею.

Несколько минут он размышлял, тем более что никто его не торопил, никто не восклицал, какого черта и по какому праву он вторгся в чужое жилище. Женщине этой он бы дал лет девяносто, не меньше, – хотя вряд ли в девяносто лет бабушки еще столь живенько орудуют над кастрюлями... Или орудуют?

Родители Алексея умерли рано, так что не довелось ему видеть их в старости. Но матери Александры было под семьдесят, и по сравнению с бабушкой Михаськи она выглядела просто юной девушкой. Возможно, еще и потому, что волосы она подкрашивала, следила за собой, – а эта бабушка была совсем седенькой, и волосы ее поредели...

Волосы – не волосы, а она куда старше тещи детектива! Так что, пожалуй, являлась она бабушкой не Михаське, а его матери. То есть мальчику прабабушкой.

Стало быть, у них либо другой родни нет, либо в семье все очень сложно.

Утешало уже то, что слова ребенка оказались не совсем беспочвенными: наличествовала квартира, где он проживал, и бабушка наличествовала.

– Мамино имя как, Михасик? – присел на корточки перед мальчиком детектив.

– Я не Михасик, я Михаська!

– Хорошо. А мама?

– Юлька.

– А ты как маму звал?

– «Мамочка».

– Тогда кто ее «Юлькой» называл?

– Бабулечка.

Не так уж глуха «бабулечка», раз общается с внучкой!

– Пойдем в комнату, не будем мешать твоей бабушке, – произнес Кис погромче и покоисился: и точно, она ухо навестила, прислушиваясь. Ну-ну.

Все это было странно. Если мать Михаськи впрямь похитили, то поведение бабушки выглядело неадекватным. Казалось бы, она должна радоваться, что кто-то явился с намерением Юлю искать! А она вместо этого прячется за своей глухотой и у своей кастрюли... Почему? Может, она сама неадекватна? Или все же Михаська сочиняет? Или чего-то не понимает... тогда как бабушка все отлично понимает? Юля уехала с любовником, например... И он не «ташил» ее, как подумал ребенок, а крепко обнял...

Гадать Алексей не стал: видно будет.

Он заглянул в комнаты. Одна, поменьше, была явно комнатой бабушки: старомодная кровать, комод и шкаф. Другая, где наличествовали две тахтушки – одна побольше, другая поменьше, выдавала место обитания Михаськи и его мамы. Тахтушки были прибраны –

постельное белье с них убиралось, надо думать, каждое утро, во внутренний ящик под лежбищем, – и днем они имели цивилизованный вид диванчиков.

Детектив расположился на одном из них, усадив рядом Михаську.

– Как зовут твою бабушку?

– Люба.

– А по отчеству?

Мальчик снова быстро и часто пожал плечами, высоко их поднимая и утапливая головку в грудной клетке.

– Ну, подумай, ты ведь слышал, как к ней обращаются: *Любовь*... как дальше?

– Какая же бабулечка *любовь*? – изумился Михаська. – Любовь – это когда в кино целуются!

Алексей улыбнулся. Даже если было много странного в этой семье, то радовало уже то, что мальчонка говорит «мамочка» и «бабулечка», – значит, воспитан в ласке. Ему вспомнилась девушка в кожаной юбке, Настена, которая о своем ребенке спрашивала, не *орал ли Васька*... В этой семье наверняка говорят иначе. В ней спрашивают, не *плакал ли мальш*...

Две разные фразы – два разных мировоззрения.

Уведя Михаську, Алексей надеялся, что бабушка придет в комнату вслед за ними, – посмотреть, что там некий чужой дядя делает с ее внуком... Или, скорее, с правнуком.

Но она не появилась. Стоит в коридоре и подслушивает? Но даже если она и преувеличивала свою глухоту для сыщика, то все равно слух у нее, вероятно, понижен, иначе и быть не может в таком возрасте, – значит, подслушивать она не могла... Странно, странно все это.

Алексей подумал немножко и вновь решил, что пока не следует форсировать события.

– Давай поиграем, – предложил он Михаське. – Я буду вместо твоей мамы, а ты вместо «дяди», который пришел к вам в квартиру, а потом твою маму с собой забрал. Давай?

– А как же ты будешь вместо мамы? Ты же не знаешь, что мамочка говорила!

– А ты мне подскажешь.

– Ладно, – согласился Михаська, и они вышли в прихожую. – Ты встань вот тут, слева, как мама! А я вот здесь, у двери, – потому что я первым добежал, когда звонок зазвонил, и открыл дверь. И этот дядя вошел.

– Ты его раньше видел?

– Нет.

Михаська развернулся спиной к входной двери и, подняв плечи и выгнув грудь, широко шагнул, укрепился в прихожей.

– Маму позови, – произнес Михаська басом.

– То есть человек был большой, да?

– Да, – все так же басом ответил Михаська, не выходя из роли. – А ты тут как мамочка стоишь. И дядя тебя заметил.

Он осмотрелся, подумал и взял зонт, который попробовал поставить вертикально. Зонт упал. Михаська снова осмотрелся, что-то ища глазами. Алексей с любопытством следил за мальчиком, не понимая смысл его действий, но вопросов не задавал.

Наконец Михаська залез под вешалку, вытащил откуда-то из ее глубин высокий сапог матери и поставил его перед дверью.

– Вот это я, Михаська, – указал он на сапог. – А я тот дядя. – Он занял место позади сапога. – А ты как мамочка, и ты смотри на меня такими большими глазами, будто очень удивился!

Кис послушно постарался сделать «большие глаза», отчаянно подозревая, что роль ему не удалась. Но маленький режиссер не обратил внимания на его актерский прокол. Разведя в

стороны руки, он шагнул, высоко перенес ногу над сапогом, изображавшим ребенка, в направлении «мамочки», то есть Киса.

– Юля, Юлька! – закричал Михаська, хватая сыщика за руки. – Юлька, предательница, я пришел!

Михаська умолк на несколько секунд, подумал, а затем внес режиссерскую поправку:

– Отступи, отступи назад! – Михаська двумя руками подтолкнул детектива. – Вот так, теперь правильно! И скажи: «Я тебя не ждала!»

Казалось, мальчик теперь видит сцену в мельчайших деталях, всплывавших в его памяти в процессе этой игры.

– Я тебя не ждала! – произнес сыщик.

В коридоре, ведущем с кухни, он вдруг узрел бабушку, молчаливо наблюдавшую за игрой.

– Зря не ждала! – взвыл Михаська голосом волка из детского спектакля и протянул руки к детективу. – А я пришел! Теперь мы с тобой не расстанемся! Пошли! – И он, привстав на цыпочки, обхватил детектива двумя ручонками за талию. – А ты скажи, что не хочешь и не пойдешь!

– Я не хочу! Я не пойду! – проговорил свою реплику Алексей, косясь на бабушку.

– Пойдешь, Юлечка! – Михаська, поднатужившись, с трудом сдвинул Алексея с места и стал его подталкивать к двери.

– Я понял, – заявил детектив, вывернувшись из детских рук. – Так он твою маму и увел из квартиры?

– Оставь мальчонку, – проговорила вдруг бабушка. – Поди сюда.

Она пригласила его жестом на кухню и плотно прикрыла за ним дверь.

– ...Частный детектив, значит... – проговорила бабушка, рассматривая удостоверение Алексея, на этот раз в очках.

– Как вас зовут?

– Ты говори погромче. Я действительно неважно слышу.

– КАК ВАС ЗОВУТ? – повторил Кис.

– Любовь Михайловна. Михаська в честь моего отца назван. Генералом он был, жизнь за Отечество отдал, достойный человек.

– Не сомневаюсь... Вы Михаське бабушка или...

– Или. Я Юльке бабушка.

Алексей хотел было что-то сказать, но женщина его перебила:

– Бывший муж это Юлькин, понял? Он сидел, из тюрьмы вышел досрочно и к нам заявился. Юльку любит, как черт больной. А Михаська, его это сын, внучка мне не соврала бы, – да только Гарик ей не верит, считает, что она после него нажила... Юлька с ним развелась, пока он в тюрьме сидел, решила завязать со всей этой жизнью...

Она умолкла, но Алексей видел по ее лицу, что картины «всей этой жизни» мелькают у нее перед глазами. Детектив решил пока вопросов не задавать: подробности о Юле и ее прошлой жизни могут иметь значение лишь в том случае, если на самом деле было похищение – криминальный акт, уголовно наказуемый.

– Ты не обижаешься, что я с тобой на «ты»? Ты такой молодой...

– Конечно нет.

– Она за него девчонкой вышла замуж, ничего не понимала! И семнадцати еще не стукнуло! Мать ее тогда была жива, и мы вдвоем отговаривали Юльку... Не нашего круга он человек, совсем не нашего! Но куда там! Он красавец знойный, и богатый был, Юльке подарки делал царские... Да и любил ее, чего уж там. Рита, дочь моя, а Юльке мать, вскоре раком заболела. Так Гарик оббегал все лучшие больницы, всякие институты канцерологии... Мы на него

молиться стали, по правде говоря. Даже я... Жалею теперь, да ничего не поделаешь, что было, то было. Рита через несколько месяцев умерла...

Она замолкла, занявшись своим бульоном. Алексей ждал.

– Я, дура, радовалась: хоть внучка в хороших руках оказалась! История с болезнью Риты меня вроде как убедила... – Любовь Михайловна вскинула на него выпцветшие, но ясные, живые глаза. – Могла я разве представить, что милый такой Гарик, который так сердечно нам помогал во время болезни Риты, вскоре организует ограбление ювелирного магазина? Что до этого он занимался рэкетом? Что на инкассаторскую машину нападал? Хотя в суде это не доказали, не стану грех на душу брать, – может, и не было ничего такого... Да, Гарик мне не нравился – чувствовала я в нем с самого начала неродственную душу... Но Юлька влюбилась, и эта его помощь Рите... Смирились мы с Ритой. Решили, что Юлька с ним будет счастлива... И даже больше: что ей повезло с таким мужем... Я заболталась, Алексей Андреевич, простите.

Станным образом речь бабушки все больше выдавала интеллигентного и образованного человека, и детектив усмотрел в этом ее доверие к себе. До сих пор она пряталась за мнимой простоватостью, как и за своей мнимой глухотой... Гарик, видимо, вызывал у нее страх и, как следствие, осторожность.

– Любовь Михайловна, эти подробности могут оказаться очень важны... Но только в том случае, если у нас имеет место похищение вашей внучки Юлии. Иначе я пребываю в роли человека, который просто из пустого любопытства задает вам вопросы, понимаете?

Кис малость схитрил: никаких вопросов он толком не задавал, – это Любовь Михайловна сама решила выговориться. Но, объективно говоря, ситуация выглядела именно так: ему нет смысла забивать голову информацией о подробностях жизни Юли прежде, чем факт ее похищения не будет установлен.

– Так что давайте пока оставим детали ее биографии и начнем с конца: Юлю бывший муж похитил? Да или нет?

– Похитил.

– Тогда напишите заявление, на основании которого можно будет начать розыск. В этом случае все подробности, которые вы сможете нам рассказать о ее прошлой жизни с мужем, с Гариком, будут нам очень и очень полезны!

– Не напишу. И не просите.

Любовь Михайловна отвернулась к окну.

– Почему?

Она не обернулась и не ответила.

– Любовь Михайловна! ПОЧЕМУ?!

– Он убьет нас тогда... – проговорила она тихо, покосившись на дверь. – И Михаську, и меня. Мы для него никто. Юлька, когда поняла, что беременна, сообщила ему, – он тогда в тюрьме сидел, суда ждал. От него, от кого же еще? Не поверил. Юльке записку через адвоката передал: мол, три года не могла забеременеть, – а тут, только меня арестовали, так сразу и залетела?

Бабушка скорбно помолчала, вспоминая.

– Три года, видите ли, его смутили! – вновь заговорила она. – Она же гимнастка, Юлька! Она себе весь животишко отбила на бревнах да брусьях этих! Вообще чудо, что забеременела, хоть через три года! А вот не поверил ей Гарик... Юлька ничего не стала ему доказывать: гордая. Так вот Гарик и считает, что Михаська никакого отношения к нему не имеет. А мальчик на отца не особо похож, только кудрями и темными глазами, да ведь и Юлька моя тоже такая, кудрявая и темноглазая... К тому же Гарик про свои кудри уж и думать забыл: полысел он сильно в тюрьме.

– Отчего вы решили, что он вас убьет?

– Так он сам сказал. Когда Юльку утаскивал.

– Точнее можно?

– Да уж куда точнее: «Если заявите ментам, я убью вас. Тебя, бабулька, и выбл...ка»... Михаську то есть. Так что, Алексей Андреевич, шли бы вы с миром. Оставьте нас. Вы хороший человек, откликнулись на просьбу Михаськи, – не уследила я за ним, выполз мальчишка из квартиры ранним утром, пока я дремала... Ночью не спится, а вот под утро случается задремать... Хороший ты человек, говорю, пришел нас спасать. Но спасти нас нельзя: если я заявление напишу насчет Юлькиного похищения, то убьют нас с Михаськой, понимаешь?

– А ведь он, по вашим словам, Юлю любит?

– Так это он *ее* любит! А мы ему никто. Он бандит, этим все сказано!

Веселенькая история... По большому счету, Алексей мог откланяться и уйти: не хотят писать заявление – так и не надо!

Но разве мог он уйти, когда мальчик Михаська попросил его о помощи?

– Хорошо, не надо заявления. Скажите только, куда Гарик увез Юлю?

– К себе, наверное. На квартиру... где они раньше с Юлькой жили...

– Ее не конфисковали?

– Нет, только имущество описали.

– И где же эта квартира находится?

– Пиши. – Любовь Михайловна полистала потертую записную книжку, а затем продиктовала адрес в Матвеевском. – По тем временам квартира была шикарная. У него была трешка, но очень хорошо обставленная. Когда же Гарик попал под суд, то вынесли из нее всю мебель, все вещи... до последнего одеяла. Юлька спала на голом матрасе на полу первое время... Но жила при этом безбедно: еду ей приносили его «друзья», они же купили ей и кровать, и холодильник... Случалось мне заезжать к ней: там все ломилось от деликатесов! Но интерес у них, «друзей» этих, был не бескорыстный: они сделали эту квартиру, как бы так сказать... *Опорным пунктом*. Завозили туда, кроме еды, наркотики, и еще видеоманитофон привозили, устанавливали и порнографию смотрели... И *девок* своих привозили. Проституток, понимаешь? А Юлька их жалела... Какую побили, ту она у себя ночевать оставляла... Боролась за права женщин, не смеяся!

– Я не смеюсь, Любовь Михайловна.

– Вот и хорошо... Юлька только тогда и поверила наконец, что ее муженек бандит! А то все твердила: не верю, не верю... От этой жизни Юлька и сбежала год спустя после ареста мужа ко мне, понял? Думала, что она с Гариком раз и навсегда покончила! Думала, что ежели развелась, так он исчезнет из ее жизни...

– А он не исчез, – констатировал детектив.

– Нет. Пришел вот из тюрьмы... И увез Юльку! Мальчонка у нас смысленный, гордость наша, но он многое не понял, мал еще, не все тебе рассказал... А Гарик говорил вот еще какие слова: что он на Юлькин развод плюет, и считает ее своей женой, и что она ему должна ЕГО ребенка родить...

– А вы при этом уверены, что Михаська его сын?

– А как же иначе? Юля не такая, чтобы с разными... Да ведь у Гарика голова больная! Юльку увез силой, а сына своего бросил со мной. Сказал, что если мы сдохнем от голода, то только лучше будет... Вот какая *ассенизация*, а?

Кис согласился, что сплошная *ассенизация*, хоть и подозревал, что Любовь Михайловна неверно употребила слово. То ли подзабыла его значение, то ли... не хотела произносить грубое слово «дерьмо»?

– Фамилию его назовите. И Гарик – это кто? Игорь?

– Балатаров его фамилия, а имя так и есть Гарик – Гарри. Как шахматист один, не помню уж, какой...

Да, выходило, что маму Михаськи и впрямь похитили. Но кто? *Бывший муж!* Особого трепета это в наших органах не вызовет. Муж хоть и бывший, а все вроде как близкий человек... Стало быть, нужно, чтобы родные органы взяли в толк, что разведенный муж есть **ЧУЖОЙ ЧЕЛОВЕК**, полностью утративший права на супружескую близость. И, если этот Гарри Балатаров намерен принуждать Юлю к сексуальным отношениям, то он в чистом виде **НАСИЛЬНИК**, и бывшее супружество **НИКАК** не может его извинить!

– Когда он Юлю увез?

– Да вот уж три дня тому, – ответила бабушка.

– Юля работает?

– А как же! Она гимнастка, в сборной нашей была! Но здоровье не заладилось, Юльке пришлось из спорта уйти. Тренером пошла в физкультурный центр. Фитнес и все такое... Хорошо зарабатывает, между прочим.

– Она вас с Михаськой содержит?

– Еще чего, у меня своя пенсия есть! – гордо отвернулась бабушка. – Конечно, на нее не позволишь, что Юлька позволяет, но... Прокормимся мы с Михаськой, не беспокойтесь!

– На ее работе тревогу не забили?

– Звонили. Я сказала, что Юля приболела...

– Хорошо. Я съезжу на эту квартиру. Если Гарик держит Юлю именно там, то... Возможно, сумею вам внучку вернуть.

– Бог с тобой, – перекрестила его Любовь Михайловна. – Я за тебя молиться стану... Только ты помни, если Гарик прознает, что это мы с Михаськой тебя подрядили, то смерть нам. Помни!

– Не волнуйтесь. Надеюсь, объясняться с ним не доведется; а уж если вдруг, то скажу, что я Юлин ухажер...

* * *

Первым делом Алексей позвонил Сереге, изложил ситуацию и попросил пробить все, что есть в уголовном деле на Гарри Балатарева, а также скинуть ему фотографию одного на мобильный.

– Хочешь, чтобы мы подключились? – спросил Серега.

Вопрос Сереги, если его расшифровать, означал примерно следующее: официально ли детектив сообщает о преступлении (что, строго говоря, являлось его долгом) или просто просит дружеской помощи?

– Пока нет смысла, – ответил Алексей. – Сначала сам разведую.

Они доверяли друг другу безгранично, отчего Серега настаивать не стал: Кис знает, что делает.

После чего Алексей позвонил в свой офис и распорядился, чтобы Игорь, его ассистент, выехал по адресу в Матвеевском.

Добирался он туда долго – Игорь прибыл на место раньше. Искомый дом оказался довольно странным, круглым, как бублик. Кис ни разу в жизни архитектором не был, но все же подумал с легкой жалостью, как им, архитекторам, небось, туго пришлось, чтобы спроектировать квартиры в этом бублике. С точки зрения детектива, архитектурный изыск в виде круглого дома не оправдывал ни их мучения, ни затраты. Впрочем, Кис, наверное, чего-то не понимает в изысках...

За это время в его трубку упала фотография Гарри, и они с Игорем внимательно изучили ее. Хотя особо внимательно изучать ее не требовалось: как верно заметила Любовь Михай-

ловна, Гарри был *знойный красавец* – такого мимо не пропустишь. Впрочем, фото из уголовного дела датировалось временем его ареста, то есть шесть с хвостиком лет назад. За эти годы он полысел, как сообщила Михаськина бабушка, возможно, растолстел... нет, скорее похудел! Жизнь в тюрьме не располагает к лишнему весу, прямо скажем.

Подробности дела по Балатарову Серега обещал к вечеру, там и посмотрим, за что его осудили и отчего это он досрочно вышел на свободу. А пока они с Игорем незаметно дежурили у подъезда в надежде, что Гарик покинет квартиру.

После двух часов слежки, когда уже ноги и прочие места затекли, – Кис наблюдал из своей машины, Игорь с лавочки в кустах, – удача им наконец улыбнулась. Человек, весьма похожий на искомого субъекта, только малость растерявший свою буйную шевелюру, отчего былые кудри превратились в редковатый ежик с озерком лысины на макушке (не подкачала бабушка!), покинул подъезд. Сел в машину, которая его поджидала, и был таков.

Ну да, вспомнил Кис, имущество ведь его описали, так что если и была у него какая тачка, так теперь нетути. Такси вызвал.

Оставив Игоря на стреме, Алексей вошел в подъезд. У него имелось примерно пять разных способов попадания в подъезды с кодами, но на этот раз не пришлось воспользоваться ни одним из них: прямо перед ним дверь отворилась, и оттуда вышла оживленная группа подростков, чем детектив, разумеется, воспользовался. Впрочем, это, на самом деле, и есть *пятый* способ.

Он поднялся на седьмой этаж. Общая дверь оказалась не заперта, и Кис беспрепятственно приблизился к квартире Гарика. Позвонил. Тишина. Детектив прислушался: внутри квартиры что-то тихо позвякивало... Но ему не удалось классифицировать этот звук.

Минуты четыре ушло на то, чтобы справиться с двумя замками.

– Юля? – позвал он из коридора.

Ответа не последовало.

– Меня ваш сын, Михаська, попросил о помощи... – произнес он в пространство.

– Я здесь! – донеслось до него из-за одной двери.

Распахнув ее, Алексей увидел молодую женщину в спортивном костюме брусничного цвета. Точнее, от костюма на ней были только брюки, – белая майка сверху, – а куртка валялась на постели. Юля была прикована за ногу цепью к кровати. Цепь позволяла ей передвигаться, но не давала возможности приблизиться ни к окну, ни к двери комнаты. Теперь детектив понял, что за звук доносился до него: позвякивание цепи.

– Юля?

– Да. Кто вы?

Она была очень хороша собой. И очень похожа на своего сына: те же темные кудри, те же карие глаза и ямочка на правой щеке, те же смешливые точки-веснушки на крыльях носа. Только синяк на скуле несколько все портил. Тонкая, ладная, она напоминала грациозное животное, пойманное в капкан.

– Я частный детектив. Михаська пришел просить помощи к моему другу...

Юля, громыхнув цепью, забралась с ногами на кровать, и Кис тоже присел на краешек – другой мебели в комнате не наблюдалось. На полу стоял поднос с бутылкой воды и стаканом, а также с тарелкой, на которой лежал недоеденный кусок пиццы.

Алексей закончил короткую историю о Михаське, пояснив тем самым причины своего появления в этой квартире. Юля невольно улыбнулась, слушая про Михаськины подвиги.

– Давайте я вас освобожу и отвезу домой, – предложил детектив.

Он раскрыл свой профессиональный портфель, в котором обитали очень нужные-важные вещи: фонарики, наручники, отмычки, отвертки, кусачки, пинцеты, пакетики для сбора вещественных доказательств, перчатки, пудра для снятия отпечатков и многие другие необхо-

димые мелочи. Алексей вытащил небольшую связку ключиков, способных открыть большинство наручников, а также кусачки и показал их Юле.

– Попробуем сначала ключом, а если не получится, то...

– Нет!

Она почему-то отползла от него в самый дальний угол широкой кровати.

– Я не понял... Вы не хотите отсюда выбраться?

– Хочу! Но если я сбегу, Гарик убьет бабушку и Михаську! И меня тоже может...

Алексей снова поизучал синяк на ее скуле. Гарик явно приложился от души. Но всего лишь один раз, что несколько обнадеживало.

– Хм. У меня поручение от вашего сына спасти вас. И как же мне, в таком случае, вас спасти?

– Покажите мне ваше удостоверение.

Алексей немедленно удовлетворил ее просьбу. Как ему показалось, Юля немного ослабилась.

– Послушайте, Алексей Андреевич...

Она умолкла.

– Я весь внимание, Юля.

– Нужно бабушку и Михаську сначала отправить в безопасное место...

– У вас есть такое место?

– Есть. У бабушки имеется старая дача, еще от ее папы. Мы там сто лет не были: бабушке уже не под силу заниматься ею, а мне некогда... О ней никто не знает, даже Гарик! Их нужно туда отправить... Вы не могли бы это сделать?

– Хорошо, – кивнул Алексей.

– У вас найдется клочок бумаги и ручка?

Детектив протянул требуемое, и Юля нацарапала косым почерком адрес дачи. Затем, подумав, приписала внизу фразу: «Бабулечка, сделай так, как Андрей Алексеевич скажет, хорошо?»

– Вот, – протянула она ему блокнотный листок.

– Алексей Андреевич. То есть наоборот.

– Ах, извините! – Юля улыбнулась, ямочка на ее правой щеке засияла.

Она исправила записку и снова протянула ее детективу.

– Вы сначала их увезите в безопасное место, ладно? А потом приходите... если не переживаете, – она усмехнулась с легким недоверием, – приходите меня спасать...

Кис ответил не сразу. Не слишком ли Юля усложняет ситуацию?

– А все же не лучше ли нам сейчас уйти отсюда вместе и вместе же заняться отправкой на дачу ваших родных?

– Нет! Гарик может вернуться в любой момент! Не обнаружив меня, он кинется на нашу квартиру, и...

– Но с вами буду я, – возразил Алексей.

– А если он зарежет и вас? Вы уверены, что с ним справитесь?

– Юля, но ведь можно вызвать милицию! И Гарика в один момент скрутят!

– Вы в самом деле думаете, что его арестуют за то, что он меня похитил?

– Ну...

Кис немного растерялся. Конечно, Балатарова отвезут в участок, допросят... Но *особого трепета* это в наших органах не вызовет. Погрозят пальчиком и отпустят. Гарри окажется на свободе и...

Насколько серьезна его угроза зарезать бабушку и мальчика в случае, если вмешается милиция?

Алексей этого не знал. Может, и блеф, – но... Он не мог взять на себя ответственность за подобный риск.

– Пусть будет по-вашему, – кивнул Кис, пряча листок в карман, и встал.

– Можно я спрошу вас? – Юля вскинула на него напряженный взгляд.

– Разумеется.

– Зачем вам это? Михаськой заниматься, бабушкой моей, меня спасать... зачем? Вы не милиция... И денег вам никто не платит...

– Не знаю, как ответить, Юля. Просто когда у меня на глазах происходит... Нет, не знаю, как объяснить.

Юля помолчала, вглядываясь в лицо детектива.

– У меня в квартире спрятаны деньги... Я скажу вам, где. Отдайте их бабушке... пожалуйста.

Кис кивнул.

– Вы их себе не заберете?

– Сказать, что я честный человек и чужого не беру?

– Да, скажите... пожалуйста.

– А вы поверите?

– Я вас не знаю... Но постараюсь.

– Я чужого не беру. Никогда.

– Спасибо...

– Спасибо скажете, когда все утрясется... Юля, у меня тоже есть вопрос... На засыпку, что называется. А что бы вы предприняли, если бы я не пришел? Ведь мой визит вы никак предполагать не могли! Так на что вы рассчитывали?

– А вот, – Юля указала на браслет, опоясывающий ее ногу. – Посмотрите поближе....

Браслет был изрядно подпилен с задней стороны, которая не бросалась в глаза.

– Чем вы его?..

Юля вытащила из-под матраса напильник.

– Гарик, он больной... Нет, я не для красного словца, он и в самом деле больной! Он почему-то решил, что я его до сих пор люблю! После всего того, что он... Неважно. И в первый день он меня приковал только тогда, когда ушел. Я нашла напильник, спрятала его тут у себя... Но потом он передумал и стал меня все время держать на цепи, даже когда дома был. Наверное, из-за того, что я пыталась с ним драться...

– Вы?

Кис с сомнением окинул взглядом ее тонкую фигурку.

– Я дзюдо владею! Думала, справлюсь...

– Не удалось, – констатировал детектив.

– Не удалось... Сначала я его повалила на пол и хотела к двери бежать, но Гарик меня за ногу успел поймать. Я упала и вскочить уже не смогла: он меня всем своим весом придавил. После этого он меня приковал.

– Погодите... Вы рассчитывали все же освободиться, подпилив браслет, так? Тогда почему вы не хотите, чтобы я вас прямо сейчас вызволил? Что это меняет?

– Я же вам говорю: лучше, если сначала мой сын и бабушка окажутся в безопасности! Мне так спокойней будет. Если бы вы не пришли, я бы все равно вырвалась и их бы постаралась поскорее спрятать... да и сама спряталась бы от Гарика. Я не знаю, чего от него ждать теперь, после тюрьмы. Он изменился. Раньше бы никогда на меня руку не поднял, а теперь, вот...

И она потрогала свою скулу.

– Юля, давайте так, – произнес детектив, – я прямо сейчас займусь вашей семьей, перевезу их на дачу. А завтра вернусь за вами. Отвезу вас туда же, на дачу. Вы уверены, что Гарик о ней не знает?

Юля не ответила. Казалось, она перебирает в уме какие-то варианты. Детектив ждал.

– Не то чтоб уверена... Но все равно, больше некуда их спрятать. И Гарик вряд ли подумает об этой даче, даже если и слышал о ней. Она, дача, у нас совсем старушка, – если даже я о ней и упоминала, то именно как о старушке... Нет, Гарик не вспомнит о ней!

– Ну что ж, тогда я пошел. А вы... вы мужественный человек, Юля.

Она вдруг засмеялась.

– Вы уверены, что для женщины это комплимент, когда ей говорят, что она *мужественная*?

– Хм... Не уверен... Но если бы я сказал: вы женственный человек, – то вышло бы совсем глупо?

Юля улыбнулась.

Детектив покинул квартиру, вышел на улицу, нашел глазами Игоря и подал ему знак: в машину, мол.

Страшно хотелось есть. И кофе хотелось тоже: в термосе уже не осталось ни глотка. Алексей посмотрел на часы: около двух дня. Даже если перевоз бабушки с Михаськой на дачу займет немало времени, то все же полчаса на еду можно выкроить.

По дороге им первой попалась пиццерия, но Кис, вспомнив кусок пиццы на тарелке у Юли, отчего-то расхотел итальянской кухни. Далее по ходу обнаружился некий «Пельмешок», и они с Игорем рискнули. С некоторой опаской – заведение незнакомое, и что там у них за пельмешки... – они изучили меню и выбрали «пельмени классические со сметаной». Но, когда им принесли горшочки, заклеенные поверху блинчиком; когда блинчик был безжалостно содран и из горшочка повалил ароматный дух... А особенно тогда, когда первый пельмешок радостно брызнул соком под зубами, – тогда они расслабились. Точнее, сосредоточились – над горшочком.

Кофе, правда, оказался из рук вон, но Кис, благодарный за вкуснейшие пельмени, простил этот недостаток заведению.

* * *

– Нет! – заявила Любовь Михайловна. – Никуда я не поеду! У меня борщ еще не остыл! И вещей складывать придется уйму. И что там, на даче нашей, – может, сгорела, может, развалилась, может, соседи на доски разнесли, – не знаю я. Там целую вечность никто не бывал! Не поедem мы туда с Михаськой!

Детектив протянул ей записку, нацарапанную Юлей. Любовь Михайловна надела очки, прочитала.

– Мало ли что Юлька скажет! Куда это я должна ребенка тащить?! А кошку куда дену? А фиалки мои кто поливать будет? И борщ, что с ним делать?

– Как знаете. Только Юлю никак не удастся выручить из плена, пока вы здесь, на московской квартире.

– Думать надо было, за кого замуж выходить! – гневно откликнулась бабушка.

– Но ведь и вам Гарик нравился, сами сказали.

– Нравился – не нравился...

– Он Юлю ударил. У нее синяк на лице.

Бабушка посмотрела на детектива ясными глазами. Помолчала.

– И куда ж теперь это?.. В холодильник не поставишь, все горячее... а на балконе пекло...

– А вы возьмите с собой. В какой-нибудь посуде, которая хорошо закрывается. И кошку забирайте. Я ведь вас на машине отвезу, так что берите все что нужно, на себе не нести!

– А фиалки мои?!

Кис растерялся. Он не знал, как можно помочь фиалкам. Их было множество, на всех подоконниках, и все они обильно и разноцветно цвели...

– Может, их в ванну поставить, с водой?

– А свет? – патетически воскликнула Любовь Михайловна. – Им свет нужен!

– Послушайте, это ведь всего вопрос нескольких дней... Я приложу все свои силы для того, чтобы Гарика арестовали за похищение человека и дали ему новый срок...

Любовь Михайловна зыркнула на него и молча прошествовала в комнату.

– Михаська, – позвала она мальчика, вытащив из шкафа небольшой чемоданчик, – ну-ка, складывай в него свои вещи! Брючки, шортики, носочки, трусики, пижаму, майки, рубашки...

Михаська, выяснив после нескольких наводящих вопросов, что они едут на дачу, заметно расстроился и сел на корточки у стенки.

– Что? – недовольно спросила бабушка.

– Как же я без Жени? – горько произнес мальчик. – Она же меня ждет!

– Нет, вы видели это подрастающее поколение? – обернулась к детективу бабушка. – Ему шести нет, а у него уже любовь! Вы такое видели, скажите на милость?! Так позвони ей, – это уже к Михаське, – и объясни, что не сможешь увидеться с ней несколько дней!

– Только пусть не говорит, куда едет! – встрял Кис.

– Слышишь, Михась, ты ей скажи, что просто не можешь. Ну не можешь, и все. Не говори, куда мы едем. Просто в отпуск, куда-то... А то плохой дядя нас найдет, понял?

Провозились они долго, куда дольше, чем рассчитывал детектив. Любовь Михайловна собиралась капитально: упаковывала одеяла и подушки, туго перевязывая их веревками, складывала одежду, посуду, еду...

– Там никто не бывал лет пятнадцать... – поясняла она. – Юльке дача без интересу, а Гарик все обещал хоромы купить за городом, да не успел... А я стара для дачных дел. И далеко она от Москвы. На перекладных не наездишься, – говорила она, упихивая чайник в один из многочисленных баулов, – потому Юлька никогда Гарика о ней не говорила. Чего говорить-то? Что есть, что нет, все одно. Цена ей копейка, даче нашей, хвастаться нечем...

Неожиданно она замерла.

– Так, а Юлю вы куда повезете? Сюда, на квартиру?

– Туда же, на дачу доставлю.

– Вот-вот, на дачу! А то здесь ее Гарик снова найдет и умыкнет! Вы уж ее к нам... Не знаю, как справляться будем... Дача-то наверняка прохудилась... Ох-ох, вот Юлька нам удружила!

Алексей вдруг вспомнил о деньгах.

– Погодите, Любовь Михайловна... Юля сказала, что приберегла деньги. И просила меня вам сказать о них.

– Какие еще деньги? – подозрительно воззрилась на него Любовь Михайловна.

– Какие – не знаю. Но лежат они под тумбочкой в вашей комнате!

– Что за деньги такие, – бормотала бабушка, направляясь в свою комнату, – откуда еще деньги?

– Пойди сюда, – позвала она детектива, – помоги!

Алексей вошел в ее комнату. Бабушка пыталась сдвинуть комод.

Он быстро огляделся. На звание «тумбочки» тут могли потянуть два предмета мебели: комод и ночной столик, правда, больше смахивающий на табурет с ящиком.

Коль скоро Любовь Михайловна уже ухватила за комод, то детектив ей помог, сдвинул... И впрямь, под ним обнаружился изрядно запылившийся почтовый конверт. Детектив вознамерился было его вскрыть, но Любовь Михайловна выдернула у него конверт из рук.

Разорвала. Выпали доллары, несколько сотен – на глазок, чуть больше десяти. Не бог весть что, но все же деньги.

– И что я с ними? Куда?

– Если не будет хватать пенсии, то в любом отделении сбербанка вы сможете получить за них примерно тридцать тысяч рублей.

Бабушка поджала губы. Что-то ей не нравилось. Может, к обмену валюты непривычная?

У Алексея мелькнула мысль: предложить бабушке свою помощь в обмене денег. Но он сразу же от нее отказался: Любовь Михайловна, с ее недоверчивостью, с ее непониманием столь загадочных вещей, как курс доллара, могла его заподозрить в обмане. Что ему ни с какой стороны не нужно.

Благотворительность – вещь сложная, – не менее сложная, чем мошенничество. Точно так же требует психологического подхода и дара убедительности...

Короче говоря, Алексей соваться с предложением помощи не стал. Более того, он поскорее вышел из ее комнаты, чтобы не видеть, куда Любовь Михайловна перепрятала иностранные дензнаки...

* * *

Когда они загрузились во внедорожник Алексея, солнце уже клонилось к горизонту. Он ввел адрес в свой GPS, не надеясь на инструкции Любви Михайловны, – тем более что она всю жизнь пользовалась электричкой и сельским автобусом. Да уж, не наездишься на таких условиях в деревню!

...После двух часов пути, уже в сумерках, они подкатили наконец к пункту назначения. Оный представлял собой почти легший на землю и основательно прогнивший забор, бурьян в рост Михаськи и серый домишко, присевший на один бок. Окна скалились разбитыми стеклами. Дверь оказалась незаперта – замок давно сломан...

Внутри было пусто. Вынесли *всё*, как понял детектив из причитаний бабушки. «А рукомыльник-то, кому же это он понадобился, старенький такой, жестяной!»

Михаська стоял посреди комнаты с выбитыми окнами и растерянно оглядывался. Должно быть, при слове «дача» ему что-то такое интересное представлялось, незнакомое и увлекательное. А тут полный разгром, да в виде последнего дизайнерского слова несколько кучек засохшего кала там и сям...

– Возвращаемся в машину! – решительно произнес Алексей.

– Я в Москву не поеду! – насупилась Любовь Михайловна. – Столько собирались, упаковывались – что ж, все зря? И потом, Гарик нас там найдет и убьет!

– Мы в другое место поедem, – ответил детектив, настойчиво тесня ее к машине, – где вы сможете нормально пожить несколько дней. И Юлю я вам туда привезу, не беспокойтесь. Там вы будете в полной безопасности, но при этом в приличных условиях. Люкса не гарантирую, но мебель там есть, окна и двери целы, наличествуют холодильник, плита... В общем, все что нужно.

– И где же это? – с подозрением поинтересовалась Любовь Михайловна.

– На даче. Моей.

Алексей не стал пояснять, что дача не совсем его, а Александры. Некоторое время назад, ради покупки нового жилья в Москве – просторного и в более экологически чистом районе, для будущих их малышей, когда Саша была еще беременна, – они продали дачу Киса, решив, что на семью им хватит одной, Сашиной...² Юридически она принадлежала Александре, а фактически служила их семье.

² См. роман Т. Гармаш-Роффе «13 способов ненавидеть», издательство «Эксмо».

Сами они туда редко выбирались: дела держали их в городе – его сыщицкие, ее журналистские. Вырывались иногда в выходные или изредка на неделю. А так, чтобы на все лето, в их семье никак не получалось. Так что дача все больше простаивала...

Вот туда и повез Михаську с бабушкой Кис.

Добрались до места совсем затемно. Алексей отпер дом, зажег свет, впустил туда бабушку и мальчика. Михаська радостно пробежался по комнатухам: ему все нравилось! Любовь Михайловна скептически осмотрелась. Проверила наличие воды в кране, убедилась в том, что холодильник работает, заглянула в комнаты...

– А я, чур, тут спать буду!

Михаська указал на диванчик на застекленной веранде.

– Еще чего! – воспитательным голосом отозвалась бабушка. – Вот тут ты будешь спать, в комнате, – и она указала на кровать, покрытую простыней в бело-синюю клетку.

– А ты где, бабулечка?

Она мельком глянула на Алексея. Понятно: ей неловко распоряжаться в чужом доме. Даже если Кис ей сто раз скажет «будьте как дома».

– Во второй комнате тоже есть кровать, – сообщил он. – Постельное белье и одеяла вот здесь, – указал он на встроенный шкаф.

– Да мы же свое взяли! Хоть и думала я, что дача моя развалилась совсем, но такой подлости от соседей не ожидала... Не ожидала, – повторила она, качнув седой головой.

Алексею показалось, что в глазах ее блеснули слезы. Но Любовь Михайловна вдруг бодрым голосом – слишком бодрым! – попросила его помочь перенести барахлишко из машины в дом.

Он перенес все баулы в дом, отдал ключи и пообещал держать связь. Мобильный телефон у бабушки имелся, к счастью, и пользоваться им она умела.

– Детектив! – позвала его Любовь Михайловна, когда он пересекал порог. – Ты вот что... Возьми вторые ключи от моей квартиры... Мало ли что... Может, сходишь через пару дней, фиалки польешь? Им водичку в поддоны наливать нужно, а?

Подавив вздох, Кис кивнул и взял ключи.

* * *

С чувством выполненного долга он вернулся домой уже далеко за полночь, а потом пил чай с Александрой на кухне, рассказывая ей об удивительном мальчике Михаське и обо всем этом удивительном семействе...

Александра слушала его внимательно вроде бы, но Алексей уловил в ее глазах некую рассеянность, какая-то иная мысль ее занимала.

...Он не ошибся. Дослушав его повествование, Александра, подлив ему чаю, села напротив и произнесла:

– Алеша, нам нужно уезжать из Москвы. Дети плохо переносят жару... И мы-то плохо, но дети особенно. И потом, я боюсь: вдруг леса вокруг Москвы начнут гореть? Торфяники? Такое уже было в семьдесят втором. В прессе пишут об опасности пожаров... Надо детей вывозить отсюда! В редакции я договорюсь...

Уж если Александра собралась на работе договариваться, – из-за которой сидела в Москве, по жару, собирая материал для очередной статьи, – то дело ей представлялось весьма серьезным!

Алексей помнил семьдесят второй. Помнил ядовитый смог, окна, затянутые марлей, которую его мама постоянно опрыскивала водой...

- Да, Саша. Правильно. Куда, ты думаешь?
- Все равно. В Турцию, в Тунис, в Болгарию... Главное, уехать *отсюда*. Я завтра начну путевки искать. На нас и на родителей.
- Александра имела в виду своих родителей – Алексей уже давно осиротел.
- Ты с ними это уже обсудила?
- Да. Они согласны.
- Договорились. Я с этим делом завтра закончу, и уедем!
- А ты куда предпочитаешь?
- Мне все равно, Саш. Что найдешь, то и найдешь.

* * *

Однако следующий день с самого начала не заладился. Алексей с Игорем приступили к дежурству в девять утра, но до двух дня Гарик так и не вышел из подъезда. Кис уже жалел, что позволил себе поспать после вчерашних ночных разъездов по дачам: Балатаров мог уйти из дома раньше девяти! В таком случае сейчас его в квартире нет, и можно было бы идти выручать Михаськину маму из плена... Легкость, с которой он накануне попал к Юле, детектива расслабила, и он совершил ошибку? Или Гарик все-таки сидит в хате и сегодня не намерен никуда выходить?

– Игорек, давай-ка ломанись к ним с какой-нибудь чушью, типа опроса... Надо же выяснить, что происходит!

Игорю не привыкать, он уже усвоил примочки шефа за время работы в детективном агентстве АКИС («А» как Алексей, «КИС» как Кис... Кисанов то есть).

Он подошел к домофону и набрал номер квартиры. Они слушали вместе, как пиликал звонок... Но никто на его призыв не ответил. Выходит, Гарика нет дома! А Юля – она не может подойти, она же на цепи, как собака...

– Пошли! – скомандовал детектив.

На этот раз они использовали четвертый из пяти способов попадания в подъезд: набрав наобум какой-то номер, Игорь вежливо проговорил: «Вам телеграмма, откройте!» – и дверь открылась.

Алексей уж было наладился вскрывать квартиру, как вчера, но дверь подалась назад, приоткрылась. Дурной знак. Очень дурной. Не мог уйти Гарик, не заперев свою пленницу!

– Юля? – позвал детектив, осторожно продвигаясь по коридору.

Игорь остался на лестничной площадке, на «атасе».

В квартире царила тишина. Оказавшись перед Юлиной комнатой, Кис еще раз, на всякий случай, произнес: «Это я, Алексей, не пугайтесь!» – и толкнул дверь.

Комната была пуста.

Ни Юли, ни цепи.

Лишь ее сумочка на полу, и все содержимое рядом, будто кто-то специально вытряс. Гарик перевез бывшую жену в другое место? Но почему? Не могла же она ему сболтнуть о визите детектива? Или Юля ведет двойную игру? Она любит своего бывшего, но не смеет в этом признаться... и участвует в спектакле под названием «меня похитили, а я тут ни при чем»?!

Глупости. Если бы Юля уехала отсюда добровольно, то и сумочку бы прихватила. И даже если не очень добровольно, то все равно бы прихватила, – как она это сделала, когда Гарик умыкал ее из квартиры бабушки! Но сумочка осталась здесь, и ее кто-то полностью вывернул... Уж точно не хозяйка!

Гарик заметил подпил на браслете и искал повсюду напильник? – задавался вопросом Кис, разглядывая предметы на полу.

Среди разных типично женских вещичек, вытряхнутых из сумочки, его внимание привлек тюбик помады без колпачка. Он поискал его глазами, нашел, взял в руки и проверил: колпачок цел, без трещин, и просто так слететь не мог, поскольку сидел на тюбике весьма плотно. Юля подкрашивала губы перед тем, как Гарик ее выволок из квартиры с тем, чтобы перевезти в другое место? Все еще хочет ему нравиться? Впрочем, она ему и без того чересчур нравится, раз он ее уволок...

Или...

Случалось иногда в его практике, что помада, за неимением под рукой другого пишущего средства, использовалась для записки. Если это так...

С другой стороны, кому понадобилось вытряхивать ее сумочку? Что в ней надеялись обнаружить? Только если Юля сама... чтобы привлечь внимание к ее содержимому? В таком случае и помада неспроста не завинчена! Должна где-то быть записка от Юли, должна!

Кис обошел всю комнату, но ничего не обнаружил. Затем он обошел всю квартиру, – и не зря. В стенке гостиной он заметил пулю. Давно она тут? На глаз свеженькая, но глаз не точный прибор... В комнате никаких следов крови, значит, раненых не было. Однако чтобы сказать с уверенностью, нужны эксперты!

Придется звонить Сереге. Просить помощи...

Поманился, заманился Алексей Кисанов вчера кажущейся легкостью дела! Думал: вот сегодня так же легко отследим уход Гарика, в квартиру войдем, Юлю освободим да на дачку переправим, в безопасное местечко, – а уж потом примемся с ее бывшим разбираться...

Эх, самонадеянность, покаянно вздохнул Кис, набирая номер Громова.

Объяснил суть, доложил обстановку. Серега его по-отечески пожурил и обещал прислать оперов с экспертами.

В ожидании их прибытия Алексей отпустил Игоря, а сам вернулся в комнату, где Гарик держал Юлю на цепи. Незакрытый тюбик помады не давал ему покоя. Женщина, подкрасив губы, завинчивает помаду после пользования, это абсолютный женский рефлекс... Нет, не для наведения красоты Юля использовала ее!

Он снова принялся искать послание от Юли.

Ничего на стенках. Ничего на полу.

Он откинул одеяло. Пишет ли помада на простынях? Наверное, она же содержит жир, должна оставить следы...

Но и на постели их не было.

Алексей терялся в догадках. Юлю увез Гарик? Или кто-то иной пришел и увез их обоих? Все будет зависеть от заключений экспертов... А ему, пожалуй, больше нечего тут делать... Разве только дожидаться группу, высланную Серегой.

Он решил выйти на улицу, встретить их там, – в этой квартире он словно задышался... Как вдруг бегом вернулся в «Юлину» комнату – там, на полу, возле сумочки, валялась пудреница! А в пудреницах всегда есть зеркальце!

Он ее поднял, раскрыл...

Бинго! Поперек маленького зеркальца были начертаны помадой несколько слов:

«На нас напа
ли
угрожают
гар
ри».

Веселенькая история! Кис, который собирался с легкостью вернуть маму Михаське, теперь оказался втянут в сложную историю со сложными разборками!

Как назло, в этот момент позвонила ему Любовь Михайловна. В ответ на ее вопрос о внучке Алексей соврал, даже не покраснев, что все еще ждет возможности попасть в квартиру, где Гарик держит Юлю.

Кажется, Любовь Михайловна ему поверила. Во всяком случае, она легко перешла к следующему пункту своих забот: к утюгу. Она забыла его взять с собой, и отсутствие утюга для поглажки Михаськиных одежек грозило перерасти во вселенскую катастрофу.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, Любовь Михайловна, – поспешил успокоить ее Кис. – Утюг у нас на даче есть...

И Алексей объяснил, где его искать. В результате чего разговор быстро завершился с обоюдным облегчением. Вселенской катастрофы удалось избежать.

...Эксперты подтвердили: пуля свеженькая. Они еще повозились, снимая отпечатки (нашли уйму), ища следы крови (не нашли), – и что-то еще, собирая в пакетики и капая в пробирочки.

О чем поведают все эти пакетики и пробирочки, мы еще посмотрим; однако уже ясно, что не Гарик увез Юлю, а Гарика увезли вместе с Юлей.

КТО?

Гарик почти семь лет назад был осужден за вооруженное ограбление ювелирного магазина... Причем пошел на нары один: подельников не выдал, хотя, по свидетельствам, их было трое-четверо вместе с Гариком. И награбленное не нашли.

За подробностями надобно ехать к Сереге: он дело уже достал из архива.

И Кис поехал на Петровку.

В дороге его снова накрыл звонок бабушки. Утюг она нашла, но... Вселенская катастрофа еще была далека от завершения.

– Это не утюг, это целая электростанция! – заявила она возмущенно. – Там огромная подставка, на ней кнопки, а из утюга валит пар!

Кис попытался было объяснить, что пар – это чтобы не брызгать на одежду водичку, что так удобнее и управляться с кнопками совсем несложно: та, что слева, регулирует температуру утюга, а та, что справа...

– Мне нужен *мой* утюг! – отрезала бабушка. – Вы уж привезите его мне, голубчик! И потом, Михаське нужен кефир. Простой кефир, поняли? А в вашем сельпо, как выяснилось, продают только иностранные йогурты! Нам не нужны иностранные, нам кефир нужен! Привезите мне утюг и несколько упаковок кефира, Алексей Андреич!

Ох, совсем не до кефиру было сейчас Алексею Андреичу! Но, скрепя сердце, он пообещал.

– Может, не я сам, а ассистента своего пришлю... Я же тут Юлей занимаюсь, если вы не забыли, – малость ехидно произнес он.

– Пусть ассистент, – милостиво согласилась Любовь Михайловна. – Утюг у меня на кухне стоит, в шкафике, слева от плиты. И, когда ко мне за утюгом пойдешь, ты фиалкам водички в поддоны подлей, а?

«Юморная бабушка», – вздохнул Кис, отключаясь.

Он перезвонил Игорю, поручил ему изъятие утюга в квартире Любви Михайловны, поливку фиалок и закупку кефира.

* * *

Просидел он на Петровке практически весь остаток дня, читая объемистые тома уголовного дела. Ювелирный магазин при ювелирной же фабрике являлся, по некоторым сведениям, одним из пунктов незаконного трафика драгоценных камней, и по нему уже в ту пору было открыто дело в соответствующих органах, хотя двигалось оно подозрительно вяло.

Тем не менее кое-какая схема вырисовывалась. В этот магазин при фабрике привозились левые алмазы с приисков – фабрика делала огранку, выдавая левые же бриллианты. Россыпью и в украшениях.

Алексей однажды сталкивался с трафиком драгоценных камней³ и знал, что русская огранка высоко ценится в ювелирном мире. Так что превращение алмазов в бриллианты должно было приносить бешеные доходы всем участникам этой преступной цепочки.

Гарри с поделщиками, по существу, ограбил не столько магазин, сколько других бандитов, которым эти камешки условно принадлежали, – магазинные же прилавки не тронули; зато в сейфах дирекции поживились заодно несколькими готовыми украшениями, очень дорогими. Вещи такой стоимости на прилавки магазинов не выкладывались: изготавливались они из тех самых левых камешков, и покупателями их были либо наши богатеи, либо заграничные.

Трафик камней Киса не интересовал, и он переворачивал страницы, читая их по диагонали, пока не наткнулся на подробности, связанные непосредственно с Балатаровым.

Камера видеонаблюдения ничего толком не запечатлела: грабители ворвались со служебного хода, разбив ее выстрелом, затем убили охранника. Так что приходилось полагаться на показания работников магазина, в которых имелись противоречия. Одни утверждали, что нападавших было трое, другие – что четверо. Все в масках, так что никаких фотороботов никто составить не смог.

Дело грозило оказаться «висяком», но через пару дней после ограбления раздался анонимный звонок: якобы увидев новости по телевизору, человек вспомнил, что как раз в это время проходил по улице, куда вел служебный выход, и увидел там знакомую ему машину Балатарова. На вопрос, отчего ему знакома машина Балатарова, аноним коротко заявил: «По соседству живем» – и отключился.

Проверка показала, что звонил он из телефона-автомата, находившегося в микрорайоне, где проживал Гарри. И впрямь сосед? Или дружки подставили?

Наряд отправился по адресу Балатарова. В его квартире не нашли ни оружия, ни маски, ни драгоценностей (если не считать красивое кольцо на шейке его жены), отчего ушли ни с чем. И только спустя несколько дней, когда дирекция магазина, решившись сотрудничать с органами, передала следствию фотографии наиболее дорогих изделий, один из оперов узнал кольцо, которое видел на юной жене Балатарова. Не запомнить его было невозможно: каскад сверкающих камней необыкновенно красиво смотрелся на изящной шее хорошенькой девушки.

Оказалось, что сверкали на ней настоящие изумруды с настоящими же бриллиантами.

Задержали обоих.

После многочасовых допросов Юле поверили: она явно ничего не знала. Муж уезжал в командировку на два дня, вернулся и привез ей подарок!

Ее отпустили. А Гаррику предъявили фотографию из магазина.

Доказать, что подобное кольцо было куплено им в другом месте, он не смог. Твердил, что нашел на улице. Шел-шел – и нашел! Посмотрел: что-то блестит. Нагнулся, бац, а это кольцо! Он скорее его домой, любимой жене...

³ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Ангел-телохранитель», издательство «Эксмо».

Разумеется, никто ему не поверил. Да Гарик и не пытался убедить. Ему просто так было удобно отвечать на вопросы. Какие сообщники, вы о чем? Я колье на улице нашел! Какие драгоценности, какое ограбление, какой магазин? Я колье на улице нашел...

Сумма похищенного – по крайней мере та, которую осмелился озвучить магазин, – исчислялась в несколько миллионов долларов. По тем временам это были деньги очень большие (это нонче у нас развелось миллиардеров... а тогда состояния все больше миллионами исчислялись...), – хотя насколько эта сумма соответствовала действительности, проверить никто не смог. Если на самые крупные и дорогие ювелирные изделия магазином еще были сделаны фотографии, то на камешки, естественно, никакие бумаги не оформлялись.

Более того, к концу чтения дела Алексей вдруг с удивлением обнаружил, что Балатарову с неустановленными сообщниками уже вменялось в вину хищение вполне законной ювелирки из неожиданно оказавшихся разбитыми витрин... Можно предположить, что под это ограбление сотрудники магазина могли и сами поживиться из остатков, а потом все списали на грабителей... Впрочем, подсуетились, скорее, те, кто стоял за трафиком драгоценных камней, – люди могущественные, надо полагать, – и хищение незаконных брюликов постепенно превратилось в банальное хищение законных. Причем люди настолько могущественные, что уголовное дело даже подчищать не стали, – так оно и сохранилось в первозданном виде, со всеми своими нестыковками и противоречиями.

Дали Гарику восемь лет с конфискацией. Стрелял в охранника не он: сотрудницы магазина единодушно подтвердили, что пистолет был в руке маленького ростом человека. Так что убийство ему не смогли впарить, только участие в ограблении, причем в отсутствие прямых доказательств. Отчего да почему, теперь не узнать. Скорей всего, судебной системе в те годы, когда самые громкие дела разваливались, когда всем известные бандиты выходили на свободу прямо из залов судов, просто понадобился показательный процесс. Да и Гарик сам себе не помог: слова про найденное на улице колье звучали как издевка, сообщников он не выдал, вину не признавал. На что надеялся? Что друзья-бандиты сумеют его отмазать?

Не отмазали.

Как бы то ни было, Гарик срок получил приличный.

А потом ему за хорошее поведение срок скостили.

Ни камешки, ни украшения за это время не засветились нигде: ни в ломбардах, ни в комиссионных, то ли ушли за границу, то ли лежат до сих пор и ждут своего часа... Возможно, выхода Гарика на свободу?

– Серега, не пойму я что-то, – произнес Кис, оторвавшись от чтения уголовного дела. – Почему сообщников не установили? Гарик молчал, ладно. Но ведь его круг общения можно было вычислить? За два года до этого ограбления Гарик, тут написано, подозревался в участии в нападении на инкассаторов. И где материалы дела? Кинули? Или ты не все поднял?

– Кис, ты что-то меня сегодня обижать вздумал!

– Тогда где это дело?

– Значит, нету.

– Вот-вот, и я о том же... Стало быть, тому следяку, что нападением на инкассаторов занимался, лапу позолотили... Камышев тут значится, ты его знаешь?

– Шапочко. По-моему, он уже на пенсии.

– Координаты найдешь?

– Без проблем. Ты хочешь сам?..

– Тебе ж работы будет меньше!

– А тебе зачем лишняя? Денег вроде никто не платит...

– Хм...

– Потому что Михаська?

– Ну.

- А я, значит, сволочь последняя?
- Почему? – искренне удивился Кис.
- Я ж сам не отреагировал... Тебе перекинул!
- Ты чего, Серег? Ты отреагировал: ты мне перекинул!

Серега на мгновение прикрыл глаза, потом посмотрел на друга. В глазах его была неземная печаль, столь ему не свойственная, что Алексей поразился.

– Это потому, что у меня детей своих нет... – добавил Серега. – Вот почему! Я зачерствел, Кис!

- Ты чего, блин? Это происки Лариски на тебя так подействовали? Во, дурак, купился!

Серега снова ответил ему печальным взглядом своих серо-голубых глаз.

Между серым и голубым немало оттенков, и Серегины глаза были способны принимать их в зависимости от настроения и ситуации. Могли отливать стальным, беспощадным; могли подернуться туманом, ласковым, как шерсть персидской кошки; могли безмятежно голубеть, как чистое сентябрьское небо, или быть пронзительно-угрожающими, как вода в горном озере в ожидании близкой грозы.

- Проехали, – произнес Громов. – Подожди малек, узнаю координаты следака.

* * *

Минут через двадцать у Алексея Кисанова был в руках адрес и телефон Камышева Николая Константиновича, следователя, который вел дело о нападении на инкассаторскую машину, испарившееся из архива.

Проживал он в ближнем пригороде, в Долгопрудном, куда детектив и направился, не теряя времени. Звонить и предупреждать о своем визите он не стал: он придерживался правила внезапности. Так, без времени на подготовку, меньше фальши, меньше лжи.

Вышел, однако, облом. Дверь ему открыла красивая интеллигентная женщина лет шестидесяти, одетая в нарядное платье из тонкой ткани с пастельным цветочным рисунком. Волосы ее с сильной проседью были забраны в высокую прическу и заколоты гребнем из слоновой кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.